

Д. О. Митрофанова**К вопросу о социализации собственности
как тенденции социально-экономического развития*****D. O. Mitrofanova. The issue of socialization of property as a trend
of socio-economic development***

В статье предлагается одна из возможных формулировок определения социализации собственности. Автор рассматривает основные подходы, относящиеся к изучению данной категории. Также проводится анализ социально-экономических феноменов, близких по смыслу с понятием социализации собственности и позволяющих выявить основные характеристики данного явления в рамках социально-экономического развития общества.

Ключевые слова: собственность; социализация собственности; труд; трудовые отношения; социализация экономики; общественные блага; тенденции социально-экономического развития капиталистического общества.

Контактные данные: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; (812) 274-97-06; mitrodar@gmail.com.

One of the possible definition of socialization of property is offered in the article. The author considers the main approaches relating to studying of this category. Also the analysis of social and economic phenomena, faithful with a concept of socialization of property and allowing to reveal the main characteristics of the given phenomenon within social and economic development of society is carried out.

Keywords: property; socialization of property; work; labor relations; socialization of economy; public benefits; tendencies of social and economic development of capitalist society.

Contact details: Smol'nogo Str. 1/3, St. Petersburg, Russian Federation, 191124; (812) 274-97-06; mitrodar@gmail.com.

Понятие социализации собственности относительно недавно появилось в общественных науках. Первой на явление, обозначаемое этим понятием, обратила внимание экономическая наука, которой пришлось признать, что частное присвоение не может существовать как единственно возможная форма присвоения, а обязательно требует сочетания с другими, нечастными своими формами, являющимися, по своей сути, вариантами общественного присвоения [1]. Экономические исследования социализации собственности содержали значимый социальный компонент — признание общественного присвоения в системе капиталистической экономики, которое означало необходимость осмысления места и значения индивида (человека) в обществе и системе его отношений. Социология вслед за экономикой обратилась к исследованию социализации собственности и не в последнюю очередь в связи с институционализацией социологии собственности. Социологические исследования социализации собственности опирались и опираются на ее экономические исследования, но предполагают реализацию социологического метода, с позиции которого это явление общественной реальности предстает как изменение форм взаимосвязи человека и общества [2; 3]. Целью данной статьи является социологическое исследование социализации собственности как неотъемлемой составляющей социально-экономического развития.

Дарья Олеговна Митрофанова — аспирант кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

© Митрофанова Д. О., 2017

В науке категория «социализация собственности» трактуется по-разному в зависимости от того, какие характеристики ученых в своем исследовании считает основополагающими для формирования сущности этого явления. Поэтому в социальных науках еще нет единого общепринятого определения социализации собственности, способного в полной мере отразить все стороны данного процесса объективно, а не применительно к какой-то конкретной исследовательской реальности. Тем не менее, сгруппировав некоторые научные наработки и подходы в этом вопросе, есть возможность выявить основные центральные составляющие социализации собственности и сформулировать одни из вариантов возможного определения этой категории социального анализа.

Первая характеристика, на которую обращают внимание при анализе социализации собственности, является временная протяженность этого процесса в обществе. С одной стороны, о социализации собственности можно рассуждать с того момента, как возникло право частной собственности [4, с. 127]. Подобный подход предполагает, что индивиды социальны и действуют в рамках определенного общества, а значит, исполняемые ими роли частных собственников не могут иметь абсолютный характер, поскольку монопольные права будут ограничивать права других индивидов и могут идти вразрез с общественными интересами. В связи с этим взаимодействие между общественной и частной формой собственности организовано таким образом, что предполагает при определенных условиях исключение или включение установленного количества индивидов в право пользования каким-либо благом, т. е. переход (возможно, только фрагментарно) частной собственности в общественную [5; 6, с. 52–53]. Например, уже в римском праве присутствовала норма о праве пользования чужим имуществом, но в строго ограниченных пределах, в частности прогон скота к водопою через чужую территорию, проезд через чужой участок и т. д. Следовательно, в рамках данного подхода социализации собственности рассматривается как феномен, который присутствует в обществе вне времени, являясь неотъемлемой частью взаимодействия форм собственности (частной и общественной), выражая возможности перехода частных благ в сферу общественного пользования.

С другой стороны, социализация собственности понимается как чисто современный феномен, который можно наблюдать только в течение последних нескольких лет. Соответственно, данная точка зрения отталкивается от динамической сущности собственности, которая прошла несколько этапов своего развития на протяжении всей истории человечества — от первобытного и феодального общества к капиталистическому. При этом отмечается, что на каждой стадии в отношениях собственности господствовала та или иная форма присвоения, которая сводится к присвоению по труду или к присвоению результатов чужого труда. Однако для каждого этапа характерно сохранение перспективного потенциала прошлого опыта, поэтому данное развитие выражается не в прямолинейной эволюции, а в движении по спирали с возвратом в бывшее положение, но уже на более высокой ступени, т. е. в более эффективных и прогрессивных социально-экономических условиях [7, с. 45–49; 8]. Так, для первобытнообщинного строя, где основным средством производства была земля, отношения собственности функционировали в общественной форме, что предполагало присвоение по труду в рамках натурального хозяйства. Однако постепенное усиление разделения труда и соответствующее расслоение общества отодвинули общинную форму собственности на второй план, что привело к становлению рыночных отношений. Поэтому уже на следующем

этапе главной фигурой вместо общины стал собственник средств производства, который присваивает себе продукт чужого труда, обменивая капитал на рабочую силу. В новой системе отношений создание продукта уже не могло всецело находиться под контролем одного человека, а значит, производителю могла достаться только часть произведенного продукта при условии, что владельцу средств производства достанется и право на часть продукта, и право на рабочую силу [9; 10]. Соответственно, следуя логике направления развития отношений собственности, можно заключить, что для преодоления социальных противоречий общество на своем современном этапе должно было бы прийти к такой форме отношений собственности, чтобы сам труд и продукт этого труда принадлежали работникам, которые заняты производством. При этом стоит учитывать, что отношения собственности складываются в новых условиях — высокообобществленном производстве, где дополнены рамки понимания того, что можно отнести к трудовой деятельности, а также где границы производства расширены практически до уровня всего общества в целом. Таким образом, под новой стадией понимается социализация собственности, предполагающая возврат к трудовой собственности (т. е. собственности на основе своего труда), но не в состоянии разрозненного производства, а в условиях усиления обобществления труда [11, с. 38–52; 12]. При этом необходимо уточнить, что вышеперечисленные тенденции не предполагают полное уничтожение предыдущих форм присвоения, а демонстрируют только оттеснение классической капиталистической собственности на вторые роли, в частности характерной для мелких и средних предприятий. В свою очередь, на крупных доминирующих предприятиях развивается акционерная собственность, которая по содержанию все еще собой представляет собственность на чужой труд, поскольку основная прибыль делится между акционерами, т. е. не индивидами, занятыми непосредственно на производстве. Но, тем не менее, это все же новая форма собственности, поскольку в ней заложен потенциал для становления ее общественного характера [13]. Поэтому социализация собственности может пониматься как новая форма присвоения, возникшая на современном этапе развития общества и усвоившая все положительные достижения предыдущих стадий в условиях нового капиталистического общества.

Вторая точка зрения, соотносящая социализацию собственности с тенденциями современного капиталистического общества, на сегодняшний день является преобладающей, поскольку в этом ключе становится возможным наблюдать ее на конкретных примерах и очертить границы, чтобы детальнее описать фундаментальные признаки социализации собственности, выделяющие ее на фоне других форм присвоения. Хотя, как и в случае с принятием вневременной сущности социализации собственности, одним из главных вопросов в этом подходе остается соотношение понятий частной и общественной собственности. Например, В. В. Радаев и А. В. Бузгалин, анализируя социализацию собственности, отмечают, что она связана с трансформациями переходной экономики, двигателем которой является развитие частной собственности. Согласно мнению авторов, мы наблюдаем «генезис частной собственности» [14, с. 107] в более «продвинутые» [14, с. 104] формы (например, акционерную или кооперативную собственность) с точки зрения усиления преобладания в ней элементов общественного распоряжения и присвоения. Необходимость такого обращения к социализации частной собственности возникает в силу общей тенденции обобществления, наблюдаемой в современной мировой экономической системе, где главными субъектами стали не частные акторы, а крупные корпоративные структуры, в которых капитал составляет

многоуровневая система корпораций с лидирующими позициями управленцев [15]. В свою очередь В. Я. Ельмеев и Е. Е. Тарандо также считают отправной точкой социализации собственности развитие капиталистической собственности в корпоративную (коллективную) собственность, что происходит, по мнению ученых, благодаря накоплению прибавочного продукта, который вкладывается в производство в связи с его расширением и укрупнением предприятий. В. Я. Ельмеев и Е. Е. Тарандо также подчеркивают, что в силу увеличившихся масштабов фирм происходит смещение значимости собственника самого предприятия, которому достается основная прибыль с производства, к управленческому аппарату, между членами которого собственность будто бы «распыляется» [16; 17]. В данном случае речь идет об основных правах собственности, на которые обычно делают акцент исследователи, — владение, пользование и отчуждаемость (распоряжение), — и которые также подвергаются деформации в случае с социализацией собственности. Так, например, классический капиталистический вариант, при котором собственник предприятия имел права владения и распоряжения своим производством, в крупных современных корпорациях уходит на второй план, поскольку разрастание масштабов компаний диктует новую логику организации бизнеса для сохранения экономической эффективности производства. Поэтому роли владельца и управленца принадлежат разным фигурам, которые также становятся собственниками этой корпорации. Из этого следует, что, по сути, за владельцем остается только контроль за финансовой составляющей предприятия, т. е. за получением дохода с капитала, а менеджерам (управленцам) достается все остальное управление, которое способно усиливать экономическую мощь корпорации, привлекая новые капиталы. Таким образом, происходит трансформация капиталистической собственности в акционерную, т. е. объединение отдельных капиталов в одно целое при наличии сразу нескольких собственников. В этом смысле социализация собственности, по мнению В. Я. Ельмеева и Е. Е. Тарандо, как расширение сферы коллективной собственности противопоставляется частной собственности, смещая ее с лидирующих позиций в экономике [18; 19].

Обе точки зрения не являются взаимоисключающими и, по сути, дополняют друг друга, поскольку в первом случае упускается возможность трудового содержания общественной собственности (а не только частной), а во втором — вероятность совместного сосуществования и частной, и общественной собственности одновременно.

Тем не менее перечисленных характеристик еще недостаточно для составления содержательного определения социализации собственности. Поэтому в некоторых трудах анализ социализации собственности дополняется сравнением с другими близкими по смыслу категориями, отражающими наиболее заметные тенденции современного капиталистического общества. Например, одним из таких пограничных и наиболее близких понятий является социализация экономики. В широком смысле она описывает все процессы, которые сопровождают переориентацию экономики от частных целей и интересов к общественным [20]. Перечень этих процессов различается в зависимости от исследовательской идеи, которую пытается отстаивать ученый. Например, К. Каутский и И. И. Мечников, оправдывая воззрения ортодоксальных социал-демократов на коллективизацию и социализм, к социализации экономики относили социализацию земли, понимая данный термин не как коллективизацию с упразднением частной собственности, а как передачу крупных землевладений в руки государству для раздачи наиболее нуждающимся сло-

ям населения, не исключая личную собственность [21, с. 200–201]. В свою очередь, социализация экономики для Дж. М. Кейнса представлялась как одно из решений для выхода стран из кризисного состояния, которое возможно осуществить в виде социализации инвестиций, т. е. постепенным усилением общественного контроля над инвестициями в экономику через перераспределение государственного бюджета [22, с. 452–453]. При этом социализация экономики воспринимается учеными не как навязанный извне социально-экономический феномен, а как естественная тенденция развития, к которой движется экономика, учитывая постепенно складывающиеся вокруг нее технологические, организационные, коммерческие, административные и психологические предпосылки, сводящиеся к таким стремлениям и ориентациям, как: выравнивание доходов, социальное партнерство, привлечение работников к управленческим функциям, рост доли государственного бюджета в распределении ВВП и т. д. [23; 24]. Исходя из подобных рассуждений, можно заключить, что социализация экономики указывает на процессы формирования новой системы отношений между экономическими субъектами, что выражается не только в переориентации производства на общественные интересы, но и в повышении роли человеческого капитала в трудовых отношениях и в перераспределении готового продукта производства с целью снижения социального неравенства [25; 26]. С этой точки зрения возникает ряд пересечений с содержанием социализации собственности. Однако, сравнивая эти понятия, ложным выводом будет то, что данные категории являются тождественными, поскольку, во-первых, социализация экономики является более широким понятием, включающим в себя различные тенденции, демонстрирующие расширение социальной сферы в экономической жизни общества. Во-вторых, социализация экономики в большей степени зависит от усилий государства и нацелена на повышение уровня благосостояния и качества жизни населения. В свою очередь, социализация собственности невозможна без вмешательства государства, в частности в расширение сферы общественных благ, но, тем не менее, больше исходит из инициативы предпринимателей, которые ориентируются на общественные интересы для поддержания эффективности своего производства. Поэтому социализацию собственности можно назвать одной из тенденций социализации экономики, затрагивающей расширение сферы обращения к общественной собственности, а также перераспределение средств производства и результатов труда между работниками и работодателями для смягчения межклассового разрыва в силу социальной дифференциации населения [27; 28].

Наконец, в список всех вышеперечисленных характеристик, которые в большей степени описывают условия, влияющие на проведение социализации собственности, или непосредственно воспроизводят результат ее функционирования, необходимо добавить элементы, отражающие содержание исследуемого процесса. Это возможно сделать, проведя анализ уровней реализации социализации собственности, к которым обычно относят: общественный, коллективный и индивидуальный уровень. Общественный уровень предполагает расширение сферы применения общественных благ, отличительными чертами которых является неисключаемость и несоперничество. Первое свойство подразумевает невозможность ограничения доступа к конкретному благу, а второе — возможность доступа одновременно нескольким индивидам без каких-либо предельных издержек для индивидуальных потребителей. При этом степень выраженности этих характеристик отличается у различных видов общественных благ, поэтому, в зависимости от пропорций соотношения этих

параметров, выделяют чистые и смешанные или квазиобщественные блага. Так, в наибольшей мере неисключаемостью и несоперничеством обладают чистые общественные блага, которые чаще всего не относятся к простым материальным благам, а являются сложными институциональными структурами, объединяющими материальные и нематериальные элементы [12, с. 56]. В силу своего непростого устройства чистые общественные блага встречаются на практике редко и в качестве основного субъекта подразумевают государство. К такому виду благ относятся, например, национальная оборона и законодательство, которые потребляются индивидами без каких-либо ограничений, и приносимая ими польза не влияет на степень удовлетворенности другими членами общества.

Однако в большинстве случаев свойства несоперничества и неисключаемости преобладают друг над другом в разной степени. Это свидетельствует о наличии так называемых смешанных общественных благ, которые считаются более распространенными и более масштабно функционируют на рынке. Данное предположение исходит из того, что смешанные блага произошли из частных благ, которые были трансформированы под влиянием общественных потребностей, вызванных так называемыми провалами рынка — термин, описывающий несостоятельность рыночной системы для решения проблемы эффективного распределения ограниченных ресурсов из-за транзакционных издержек [29]. Например, стремление рынка к достижению максимальной прибыли привело к появлению высокотехнологичных средств производства, которые позволили увеличить продуктивность производства в короткие сроки. В свою очередь, такая механизация трудовой деятельности повлияла на структуру рынка труда, сократив число работников простого ручного труда, которые остались незаняты в экономике, и, повысив спрос на высококвалифицированных специалистов, количество которых ограничено. Соответственно, в обществе появился запрос (как со стороны предпринимателей, так и со стороны работников) на подготовку кадров, способных максимально эффективно участвовать в производстве. Поскольку такая задача касается большей части населения, то решение должно быть найдено через государственные программы, предоставляющие индивидам возможности получать дополнительную специальность, повышать квалификацию или полностью переквалифицироваться [30; 31]. Таким образом, образование, которое раньше было доступно и требовалось только привилегированным слоям населения, становится доступным все большему количеству индивидов. Тем не менее это благо нельзя назвать чистым, потому что сохраняются границы в его использовании и получении для определенных групп. Например, бесплатное высшее образование в России можно получить только один раз, кроме того, требуется пройти ряд вступительных экзаменов, чтобы получить доступ к этому благу, а также немаловажным остается факт престижности выбранного вуза, поскольку поступление в столичные университеты оказывается более трудоемким процессом и бюджетные места строго квотированы, но зато полученная от блага «польза» оказывается выше в сравнении с другими вариантами. Это свидетельствует о том, что часть населения в случае со смешанными общественными благами может остаться неохваченной, притом что запрос в обществе останется актуальным.

Поэтому в связи с вышеуказанными ограничениями реализация общественных благ не ограничивается общественным уровнем и деятельностью государства. Речь может также идти о коллективном уровне, где субъектами могут выступать общественные организации или предприятия, и социализа-

ция собственности происходит в рамках определенных социальных групп. Так, например, в сложившихся современных социально-экономических условиях с «провалами» рынка сталкиваются все индивиды, однако есть категории населения, для которых такая несостоятельность рыночных отношений оказывается более существенной по сравнению с другими представителями общества [27]. К этой группе относятся социально незащищенные слои населения, для которых разрабатываются специальные программы такими организациями, как Союз пенсионеров России, Движение женщин России или Всероссийское общество глухих и т. д. Эти общественные организации сосредоточены на достижении расширения спектра предложения общественных благ, поскольку социально незащищенные слои населения также представляют значимый экономический потенциал для развития эффективного функционирования рынка. Так, например, вводится декретный отпуск для обоих родителей, устанавливаются обязательные квоты по трудоустройству инвалидов, открываются новые районные центры занятости населения и т. д. С точки зрения предприятий самым ярким примером социализации собственности является возникновение акционерной собственности работников, что возможно наблюдать в западных странах. В частности, наиболее детально в США, где правовой статус акционерных обществ работников был закреплён согласно «Плану создания акционерной собственности работников», который также известен как ЭСОП (Employee Stock Ownership Plans) [12]. Суть этой программы заключается в регламентации деятельности трастовых комитетов, которые создаются по соглашению между руководством фирмы и трудовым коллективом для курирования акций работников. Такой комитет, состоящий из 3–5 человек, получает в банке кредит на льготных условиях, которые выгоднее, чем для обычных клиентов, и получает возможность покупать акции фирмы для дальнейшего их распределения между работниками в зависимости от их трудового вклада в производство. Траст выплачивает кредит банку, а фирма, в свою очередь, выплачивает комитету дивиденды на акции, которые не облагаются налогом. Как только кредит погашен, акции становятся собственностью работников, что гарантирует им право голоса как полноправным акционерам фирмы. В дальнейшем они могут либо продолжать получать дивиденды от своих акций вдобавок к заработной плате, либо приобрести на них новые акции, чтобы получать больше прибыли [32, с. 24–25]. Подобное решение вопроса собственности работников имеет свои положительные стороны, которые заключаются в повышении мотивации сотрудников к труду, установлении более справедливого механизма распределения производственной собственности, формировании новой производственной культуры, где работники получают больше доступа к управлению компании. Тем не менее такое видение социализации собственности не является универсальным решением, поскольку, во-первых, не все заинтересованы в переходе к роли акционера, так как нуждаются в более ликвидных финансовых активах. Например, пенсионерам предприятия будет выгоднее получать дивиденды на руки, а не вкладывать их обратно в компанию. Во-вторых, на крупных предприятиях достаточно затруднительно организовывать голосование по решению различных стратегических и управленческих вопросов, чтобы были задействованы все работники. Следовательно, данный вид собственности, скорее, приемлем для средних и мелких предприятий [33, с. 200–213]. Однако это не единственный возможный вариант реализации социализации собственности на предприятии. Учитывая возрастающую роль социальной ответственности для ведения эффективного бизнеса и воплощения на практике акционерной соб-

ственности работников в ряде стран, можно заключить, что предприятия сами нацелены на распространение общественных благ в рыночные отношения и поиск каналов, через которые можно было бы проводить эту экспансию в контролируемых масштабах. Одним из решений этой проблемы является внедрение в организации внутренней социальной политики, нацеленной на эффективное распределение ресурсов компании для обеспечения нормальных условий труда, создание благоприятной атмосферы на производстве, максимальное снижение вероятности социальных конфликтов и повышение мотивации трудового коллектива.

Наконец, следует учитывать, что коллективное присвоение также не гарантирует, что общественное благо в конечном итоге сможет достаться каждому индивиду. Поэтому последним уровнем реализации социализации собственности является индивидуальный уровень, на котором возможно восстановление каждой личности как собственника. Данное положение подразумевает присвоение не столько частной собственности, сколько собственности индивидуальной (личной), которая отличается тем, что она не может присваиваться на основе чужого труда, но не исключает создание присваиваемого блага на основе коллективного труда [34, с. 61–78]. Следовательно, задача социализации собственности на этом уровне заключается в том, чтобы посредством усиления обращения общественных благ общественная собственность могла бы воплощаться в «общественно-индивидуальную собственность» [6, с. 52–53], например, как в случае с чековой приватизацией в 1990-е гг. в России, ориентированной на оформление в личную собственность некоторых государственных коммерческих предприятий.

Таким образом, учитывая все вышеупомянутые моменты, можно заключить, что социализация собственности — это социально-экономический многоуровневый процесс, включающий в себя преобразование частной собственности в общественную под воздействием влияния общественных интересов, которое происходит на фоне общемировой тенденции трансформации рыночной экономики в социально ориентированную рыночную экономику.

Литература

1. Тарандо Е. Е. О политэкономическом подходе к исследованию общественного сектора // Экономист. 2010. № 9. С. 43–48.
2. Экономическая социология: теория и история / под ред. Ю. В. Веселова, А. Л. Кашина. СПб.: Нестор-История, 2012. 760 с.
3. Ельмеев В. Я., Тарандо Е. Е. Социология собственности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 88 с.
4. Дребот А. М. Социализация отношений собственности в условиях формирования социально ориентированной экономики в Украине // Вісник СевНТУ. 2013. № 138. С. 125–131.
5. Ельмеев В. Я., Тарандо Е. Е. Общественные блага и социализация собственности // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 38–43.
6. Ельмеев В. Я., Тарандо Е. Е. Проблемы труда и собственности в экономической социологии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 191 с.
7. Тарандо Е. Е. Труд и собственность: диалектика развития. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 216 с.
8. Тарандо Е. Е. Собственность: взаимосвязь сторон и дисциплинарных подходов // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 4. С. 18–22.
9. Тарандо Е. Е. Собственность: динамика социально-экономического содержания // Там же. 2009. № 1. С. 3–15.

10. Тарандо Е. Е. О трудовой теории собственности в экономической социологии // Социология. 2013. № 1. С. 144–156.
11. Ельмеев В. Я., Тарандо Е. Е. Социология собственности и распределения. СПб.: РОСТ, 2009. 100 с.
12. Тарандо Е. Е. Социализация собственности как тенденция экономического развития // Проблемы современной экономики. 2011. № 2. С. 55–58.
13. Тарандо Е. Е. Теория собственности в экономической социологии // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 4. С. 69–73.
14. Экономика переходного периода: учеб. пособие / под ред. В. В. Радаева, А. В. Бузгалина. М.: Изд-во МГУ, 1995. 410 с.
15. Философские вопросы теоретической социологии // под ред. В. Я. Ельмеева, Ю. И. Ефимова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 743 с.
16. Будущее за обществом труда / под ред. В. Я. Ельмеева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 272 с.
17. Тарандо Е. Е. Семья и собственность: взаимодействие и развитие в современных обществах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 137–149.
18. Тарандо Е. Е. Частная собственность: к вопросу о социально-экономических функциях (марксистский подход) // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 2. С. 160–164.
19. Афанасьева И. Г., Тарандо Е. Е. О социальной природе частной собственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12:1. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 3. С. 272–279.
20. Тарандо Е. Е. К вопросу об общественных благах и общественной собственности // Экономист. 2017. № 6. С. 49–53.
21. Мечников И. И. Этюды оптимизма. М.: Наука, 1988. 328 с.
22. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978. 494 с.
23. Градусова В. Н., Липатова Л. Н. Собственность на общественные блага и развитие трудового потенциала работника // Управленческое консультирование. 2015. № 6. С. 91–96.
24. Градусова В. Н., Липатова Л. Н., Солдатов А. А. Социально-экономические факторы воспроизводства трудового потенциала населения Мордовии // Вестник Мордовского университета. 2010. № 2. С. 202–207.
25. Социология труда / под ред. Р. В. Карапетяна. М.: Юрайт, 2016. 325 с.
26. Тарандо Е. Е. Распределительная справедливость: к вопросу о социально-экономических особенностях принципов распределения // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 2. С. 157–161.
27. Правила справедливого общества / под ред. А. А. Липатова. СПб.: Реноме, 2016. 404 с.
28. Имяреков С. М., Липатова Л. Н., Сивиркина Н. Н. Трудовой потенциал как фактор экономического развития (на примере регионов Приволжского федерального округа) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2015. № 3. С. 303–313.
29. Никифорова О. А., Тарандо Е. Е. Об экономико-социологическом подходе к анализу соотношения меры труда и меры потребления в социальном развитии // Наука и бизнес: пути развития. 2016. № 5. С. 60–65.
30. Борисов А. Ф. Личность работника и его собственность. СПб.: С.-Петерб. юрид. ин-т МВД России, 1995. 113 с.
31. Борисов А. Ф. Собственность работников и самоуправление (опыт американских компаний) // Социология политики и управления. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 149–159.
32. Плетников Ю. К. Социализация капитала: проблема и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 22–31.
33. Кочетков Г. Б., Сулян В. Б. Корпорация: американская модель. СПб.: Питер, 2005. 320 с.
34. Ельмеев В. Я., Синютин М. В. Модель человека как субъекта собственности // Социология экономики и управления / под ред. Л. Т. Волчковой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 61–78.